

"Hegels" 1.04.73

Д

ИРИЖЕР, как правило, безмолвен. Он выходит, становится за пультом и, повернувшись спиной к публике и лицом к оркестру, старается в силу своих возможностей высказать все накопленное в душе и мозгу через ту музыку, которая должна прозвучать в данном концерте. Сегодня я решаюсь нарушить традицию дирижера безмолвия, и вот по какой причине...

15 марта 1897 года в Петербурге впервые исполнилась Первая симфония двадцатичетырехлетнего Сергея Рахманинова. К созданию этой симфонии он готовился долго и порой мучительно — она как бы стала итогом его раннего периода творчества. На нее Рахманинов возлагал большие надежды. Он был убежден, что в симфонии нашел новые музыкальные пути, дотоле неведомые...

В Москве уже хорошо знали и любили молодого музыканта, которого «благословил» сам Петр Ильич Чайковский. И Петербург к тому времени тоже уже был свидетелем первых исполнений его ранних произведений — женского танца из оперы «Алеко», симфонической поэмы «Утес», фортепианных пьес, романсов. Правда, музыкальная критика Петербурга, признавая бесспорный талант молодого Рахманинова, далеко не баловала его похвалами. Многие «знатоки» считали его лишь эпигоном Чайковского и не слышали, а может быть, и не хотели слышать того типично «рахманиновского», уже проявившегося в самых ранних его сочинениях. Репертуарный синклит «Симфонических концертов М. П. Беляева», проводившийся в то время, возглавлял знаменитый триумvirат — Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов. Не без «нажима» в одну из программ этих концертов была включена и Первая симфония Рахманинова. Для подготовки концерта было дано лишь три репетиции. На первую из них из Москвы приехал полный тревожных ожиданий Сергей Васильевич. С первых же тактов Рахманинов не узнал своей музыки. Вскоре стало ясно, что оркестр не справляется с задачей, на него возложенной. И это не удивительно. Глядя теперешними глазами в партитуру Первой симфонии Рахманинова, видишь, как она трудна для оркестра и дирижера. Но об этом речь впереди.

В день концерта в белоколонном зале собрался весь музыкальный Петербург. Здесь можно было видеть Римского-Корсакова, Беляева, Стасовых, Кюи, Направника и многих, многих других. Из Москвы приехал Танеев — учитель Рахманинова. Чайковский уже не было в живых...

При первых же звуках своей симфонии Рахманинов в ужасе забился на витую лестницу, ведущую на «хоры», и, зажав уши ладонями, просидел так до самого конца. А затем стремительно выскочил на улицу. Никто его не видел более в тот вечер. В зале раздавался неодобрительный шепот. Симфония потерпела сокрушительный провал.

Вот что писал сам Рахманинов по этому поводу в письме к Асафьеву, датированном 1917 годом:

«...Теперь, про Симфонию ор. 13, что сказать про нее? Сочинена она в 1895 году. Исполнялась в 1897. Провалилась, что, впрочем, ничего не доказывает. Проваливались хорошие вещи неоднократно, и еще чаще плохие провалились. До исполнения симфонии был о ней преувеличенно высокого мнения. После первого прослушивания — мнение радикально изменил. Правда, как мне уже теперь только кажется, была на середине. Там есть кой-где недурная музыка, но есть и много слабого, детского, натянуто-

«Я ПРЕДСКАЗЫВАЮ ЕМУ ВЕЛИКУЮ БУДУЩЕСТЬ...»

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Эти слова, сказанные о Сергее Васильевиче Рахманинове, когда тому было только девятнадцать лет, блистательно оправдались в России уже на пороге нашего века. Слава его все росла и росла, и сегодня неподражаемое творчество Сергея Рахманинова — композитора, пианиста, дирижера — одной из самых ярких страниц входит в русскую и мировую историю музыкальной культуры.

го, выпрессанного... Симфония... очень плохо инструментована и так же плохо исполнялась (дирижер Глазунов). После этой симфонии не сочинял ничего около трех лет. Был подобен человеку, которого хлещет удар в у которого на долгие время отнялись и голова и руки... Симфонию не покажу и в завещании наложу запрет на просмотр...

И как говорят, Рахманинов уничтожил партитуру своей Первой симфонии.

Но тем не менее судьба этого произведения сложилась совсем иначе. В 1944 году в Ленинграде было положено начало возрождению замечательного произведения Рахманинова. И в этом нельзя не усмотреть определенной закономерности. В городе, где, можно сказать, решался важнейший этап жизни великого музыканта, в этом же самом городе в суровые годы испытаний, выпавших на долю советского народа, академик А. В. Оссовский разыскал в архиве «Беляевских концертов» оркестровые партии Первой симфонии Рахманинова. Работу по восстановлению партитуры осуществил библиотекарь Ленинградской филармонии Б. Г. Шальман под руководством выдающегося советского дирижера Александра Васильевича Гаука. И вот 17 октября 1945 года в Москве Государственный симфонический оркестр Союза ССР под управлением Гаука исполнил Первую симфонию Рахманинова. По хронологии это было второе исполнение, а по существу — первое. Мне, тогда еще студенту, выпало счастье быть свидетелем подлинного триумфа рахманиновского шедевра. Переполненный большой зал консерватории горячо приветствовал рождение симфонии. Этот день навсегда сохранится в памяти тех, кто был на этом концерте. С тех пор Первая симфония Рахманинова прочно заняла свое достойное место в ряду прекрасных созданий отечественной музыкальной классики. Она постоянно звучит в концертных залах, по радио, записана на пластинки.

Позвольте себе вспомнить небезынтересный факт из собственной творческой прантиски. Несколько лет назад оркестр Лондонской филармонии, с которым я постоянно сотрудничаю, просил меня включить в свои программы Первую симфонию Рахманинова. Я долго колебался с ответом. И вот почему. Меня беспокоило: сумеют ли английские музыканты передать дух этого сочинения, поймут ли они его? Все же я пошел на риск, который не только был оправдан, но и превзошел все мои ожидания. Оркестр был на высоте. Публика и пресса восторженно приняли создание юного Рахманинова.

Теперь настало время поговорить о причинах «провала» симфонии. Помимо исполнительских трудностей, была причина более существенная. Первая симфония Рахманинова явилась в то время действительно подлинно новаторским сочинением. В ней впервые и наивно объединились творческие искания московской и петербургской композиторских школ. Нельзя скрыть и того, что была определенная предвзятость в отношении к музыке Рахманинова со стороны некоторых музыкальных столпов столицы. Вот что написал Цезарь Кюи после исполнения Первой симфонии Рахманинова: «Если бы в аду была консерватория, то г-н Рахманинов был бы первейшим из ее учеников!..» Всею несправедливостью этих слов опровергла сама жизнь! Остается закончить мое повествование словами Б. Асафьева, лучше которого пока еще никому не удалось проникнуть в самую суть рахманиновской стихии: «Одухотворенная лирикой, сердечная, торжественная, и гимнами восторга и любви, обращенной к великой родине композитора, музыка эта начинается теперь, вместе с вновь открытой Первой симфонией, свою новую, светлую жизнь».

ЕВГЕНИЙ СВЕТЛАНОВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

МОИ ВСТРЕЧИ С РАХМАНИНОВЫМ

Из воспоминаний К. ЭЙГЕСА

Мое личное знакомство с С. В. Рахманиновым началось в детстве, в юные годы прошлого столетия через посредство московского музыканта, пианиста и известного педагога Адольфа Адольфовича Ярошевского. В 1894 году я приехал из Орловской губернии в Москву для поступления в университет. Я поступил на медицинский факультет. Параллельно с медициной я брал уроки музыки в музыкальной школе М. Плакшина у Ярошевского, с которым встречался и одно лето занимался раньше, в Орловской губернии, еще гимназистом.

Через несколько времени, не помню теперь по какому поводу, Ярошевский решил уйти из этой школы — как потом выяснилось, временно, и я, таким образом, оказался, тоже временно, без преподавателя фортепиано. В это время молодой Рахманинов, младший товарищ Ярошевского по консерватории, зная обо мне от Ярошевского, изъявил сам желание заниматься со мной по фортепиано, о чем Ярошевский и передал мне, точно указав адрес, день и час, когда Рахманинов будет ждать меня к себе.

Так состоялась моя первая встреча с Рахманиновым. Это было в начале зимы 1894 года... Мне было около 20 лет, Рахманинову — 21 год.

Раз в неделю, по средам, я приходил к нему и мы занимались. Уроки он мне давал безвозмездно.

...Субъективно они, конечно, были более чем интересны, так как он был пер-

веческими чудесами приводили в восторг меня. Советы и рецепты Рахманинова по части беглости, точности и энергии пальцев имели свое значение и очень пригодились и мне, и моим ученикам.

Через несколько месяцев Ярошевский, вернувшись в школу, взял меня обратно в свой класс. Вспоминаю, как однажды за обедом у Ярошевского Рахманинов рассказывал о своем первом выступлении в Лондоне и как лондонский симфонический оркестр на репетиции сделал ему, как дирижеру, экзамен. Рахманинов дирижировал каким-то своим произведением. В одном месте у него по партитуре две флейты должны были играть в унисон. «Слышу я», — рассказывал Рахманинов, — что одна флейта играет, а другая не звучит, так как второй флейтист приставил флейту к губам и только делает вид, что играет. Я остановил оркестр и вежливо заметил второму флейтисту, что у него в партии тоже есть что играть. После этого больше оркестранты меня не экзаменовали».

В этот же день после обеда Рахманинов вместе с присутствовавшим здесь симпатичнейшим московским музыкантом Ильей Николаевичем Протопоповым (последствия профессором) играл в четыре руки симфонию Глазунова. Оба замечательно читали с листа. В памяти у меня осталась удивительно непринужденная поза Рахманинова за фортепиано, как будто бы он не играл по нотам, да еще с листа, а благодушно беседовал с приятелями.

«Очерки по философии музыки»). В этот вечер статью мою читал вслух Н. С. Морозов. При описании в статье процесса музыкального творчества Морозов несколько раз прерывал чтение, шуточно обращаясь к Рахманинову с вопросом: «Ну, а как у тебя, так ли проходит процесс музыкального творчества?» Рахманинов неизменно отвечал басом: «Читай дальше».

Последняя моя встреча с Рахманиновым была в 1917 году, перед самой Октябрьской революцией. Мы договорились по телефону, и я собирался познакомиться с Рахманиновым со своей сонатой — позмой ор. 15. С этой целью я приехал к нему на Пушкинскую — площадь. В его маленьком кабинете стоял небольшой, но превосходный рояль Бехштейна, небольшой письменный стол и прибитая к стене, тоже небольшая, полка, наполненная главным образом клавирными разными опер в роскошных переплетках. Где-то на маленьком отдельном столике стоял портрет Антона Чехова с надписью от Чехова... Я играл свою сонату, а Рахманинов внимательно смотрел в ноты. После разговора о сонате и критики ее Рахманинов остановился, внимательно смотря в ноты на последнюю страницу и, как я заметил, на последний длинный пассаж левой руки. При этом он внимательно в воздухе несколько раз проиграл этот пассаж, такими точными движениями, с таким точным соотношением движений пальцев с малейшим поворотом руки, что казалось, что клавиши перед глазами, а пассаж как будто я слышал. Это был поистине урок фортепиальной техники, гораздо более дей-

НА СНИМКАХ:

● С. В. Рахманинов и Ю. Орманди за работой над партитурой «Симфонии танцев». Фотография 1941 г.

● С. В. Рахманинов. Фотография 1910 г.

● С. В. Рахманинов в гостях у И. А. Бунина.

● С. В. Рахманинов и Б. Ф. Шалляпин у портрета композитора работы Б. Ф. Шалляпина.

вый живой композитор, которого увидел я в жизни, сочинения которого уже были напечатаны, среди них я уже знал его 1-й фортепианный концерт и si-moll'ную «знаменитую» прелюдию и слышал часто восторженные отзывы о нем от Ярошевского, пророчившего ему великую будущность. Замечательный музыкант сказывался в его замечательных импровизациях в верхнем регистре фортепиано, в то время как я играл упражнения в среднем. Эти импровизации своими гармониями

Эйгес Константин Романович (1875—1950) — пианист, композитор, музыкальный писатель. Его воспоминания, написанные в 1943 году, печатаются с сокращениями.

«Знаменитой» эту прелюдию назвал Эд. Григ в разговоре с одним моим приятелем, путешествовавшим по Норвегии и вехавшим познакомиться с Григом в Берген.

Кроме встречи у Ярошевского, я несколько раз встречал Рахманинова у товарища его по консерватории — теоретика и музыканта Ниниты Семеновича Морозова. Отчетливо помню две встречи. Первая — летом 1902 года. Рахманинов, тогда дирижер в частной опере Мамонтова, пришел к обеду усталый, прямо с оперной репетиции, и жаловался на артистов. «Никто не поет вполне ритмично», — говорил Рахманинов, — только Шалляпин всегда на высоте, даже когда раздается на сцене, галлоши снимает и то в такт. Кроме ритмической стороны, раздражало Рахманинова стремление некоторых артистов (в особо драматических моментах) сводить пение и разговорную интонацию, причем, как говорил Рахманинов, страдает обычно и чистота интонаций («получается детонация»), и тембр, и ритм. «Вы дайте мне ноты», — говорил Рахманинов, — а не говорите».

В другой раз встретил я Рахманинова у Н. С. Морозова, когда принес ему рукопись моей статьи «Основные вопросы музыкальной эстетики» (впоследствии она вошла как часть в книгу мою

венный, чем наши давно прошедшие занятия. Этот момент для меня, тогда уже довольно опытного преподавателя фортепиано, дал совершенно особое направление мысли о фортепианных приемах и способах изучения и преподавания фортепиальной техники. И я сам, а позднее и мои ученики поняли, что такое внимательное в точном контакте с ясным звуковым образом намеченное движение над клавиатурой с точным соотношением движений пальцев с движениями руки и даже корпуса стоит многих часов механического повторения пассажа со всякими ритмическими выдумками...

Перед прощанием Рахманинов подарил мне свое произведение, которое очаровало меня накануне в его концерте и в его исполнении.

12 ноября 1943 года.

С. В. Рахманинов с внучкой. 1930 год.

Ф. И. Шаляпин, И. М. Москвин и С. В. Рахманинов в Нью-Джерси. 1923 год.

